

**ОБ ОДНОЙ «ОШИБКЕ» НОБЕЛЕВСКОГО КОМИТЕТА
(ВЕНЕДИКТ ЕРОФЕЕВ ОБ ИОСИФЕ БРОДСКОМ)**

В статье анализируется заметка Вен. Ерофеева об И. Бродском, написанная в связи с присуждением последнему Нобелевской премии. Прделанный анализ выводит к пониманию общего и разного в эстетических позициях двух выдающихся художников второй половины XX века.

Ключевые слова: В. Ерофеев, И. Бродский, Нобелевская премия, эстетическая позиция.

В ноябре 1987 года В. Ерофеев по просьбе Л. Панн и нью-йоркского издательства «Серебряный век» написал короткую заметку об И. Бродском, явившуюся откликом на присуждение последнему Нобелевской премии по литературе [1].

Заметка В. Ерофеева представляет собой своеобразный «перечень» высказываний («обмолвок») знакомой автору столичной публики, «от физика-атомщика до церковного сторожа», этот перечень сопровождается очень коротким авторским комментарием.

При всем своем лаконизме заметка В. Ерофеева имеет внутренне напряженный характер, который создается за счет совершенно неожиданного, не вытекающего из приведенных высказываний столичной публики о Бродском, авторского комментария, который все эти высказывания корректирует и опровергает каждое в отдельности и все высказывания в целом.

Следует, между прочим, заметить, что «случайно» подобранные «мнения о поэте» организованы автором заметки самым строгим образом и вместе образуют четкую и емкую систему и даже своеобразный ритм.

Всего В. Ерофеев приводит десять высказываний, принадлежащих людям разных профессий и родов занятий, среди которых есть корректор издательства «Прогресс», преподавательница 1-го медицинского института, поэт, физик (он же — доктор наук), искусствовед, переводчик (он же — «крайне правый католик»), два литератора и биолог, «крайне левая православная», род занятий которой не указан. Нет разве только «церковного сторожа», о котором говорится в своеобразном предуведомлении к этому «перечню» (если, конечно, им, этим сторожем, не является «крайне левая православная» или, например, кто-то из «литераторов»).

Субъекты высказываний подобраны таким образом, что приводятся не просто различные мнения, а мнения людей, вместе составляющих парадигму от строго-научного, «естественного», взгляда на вещи (его представляют корректор, преподавательница мединститута, физик, биолог и, может быть, отчасти «переводчик, крайне правый католик», если считать что одна из характеристик переводческой деятельности — стремление к точности) до предельно метафизического (поэт, искусствовед, два литератора, «крайне левая православная» и, опять же отчасти, «крайне правый католик» и он же — переводчик).

* © Перепелкин М. А., 2016

Перепелкин Михаил Анатольевич (mperpelkin@mail.ru), кафедра русской и зарубежной литературы и связей с общественностью, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

Последовательность высказываний, видимо, тоже неслучайная, что видно из той же субъектной их принадлежности: «крайне правому католику» немедленно вторит «крайне левая православная», вслед за одним «литератором» сей же час высказывается другой — «тоже литератор» и т. д.

Скорее всего, не случаен даже характер номинации субъектов, которые кроме наименования профессии обозначаются с помощью одного или двух инициалов, что должно свидетельствовать, как нам представляется, о степени близости высказывающегося к автору либо о мере значимости высказывания (и, соответственно, его инициатора) для автора заметки. Если предположить, что один инициал — это фамилия, а два — имя и фамилия, то, скорее всего, высказывания, помеченные фамильно-именными конструкциями, расцениваются автором как более значимые и принадлежащие людям, с которыми он находится в более близких отношениях. В любом случае в заметке В. Ерофеева равное количество субъектов помечено одним либо двумя инициалами соответственно по пять с каждой стороны (Л., Р., А., М., С., с одной стороны, и В.Т., Н.С., В.М., Б.С., В.Л. — с другой).

Если говорить о самих высказываниях, то большинство из них, восемь, имеют скорее негативный в отношении Бродского ли, решения ли Нобелевского комитета характер. Претензии, предъявляемые к Бродскому и к присуждению ему премии, самые разные — от недовольства «затвердением» Бродского («шагнув за Рубикон, он затвердел от пейс до гениталий») и тем, что у него «мало непомерностей» («в наше непомерное время надо быть непомерным, а у него безграничны только его длинноты») до возмущения его «посторонностью» («для него все постороннее, и он для всех посторонен») и «несущественностью» («он лишен чего-то такого, чего-то такого, что делает его начисто лишенным вот того самого, чего он начисто лишен»). О широте диапазона недовольств и претензий свидетельствуют высказывания двух литераторов, один из которых возмущен тем, что Бродский пишет отлично, что «некрасиво и греховно», а другой убежден, что тот же Бродский «совсем не умеет писать».

Два из негативных откликов адресованы скорее не самому И. Бродскому, а Нобелевскому комитету. В одном случае претензия в адрес последнего явная («...в Стокгольме поступают по принципу: все хорошо, что плохо для русских»), в другом — косвенная («...теперь я верю тем историкам, которые утверждают, что Парижская коммуна была еврейской махинацией»).

Только два отклика из десяти не имеют негативных коннотаций. Это отклики «переводчика, крайне правого католика» и «крайне левой православной». В первом случае обращается внимание на то, что в Бродском есть то, «что прежде называли так: вменяемость перед высшей инстанцией»; во втором присуждение премии расценивается как «не такая уж это неприятность», поскольку «миновали уже те времена, когда нам были страшны подвохи со стороны Нобелевского комитета». При этом если первый из двух откликов не просто не содержит негативных коннотаций, а даже, наоборот, свидетельствует о понимании говорящим исключительного значения творчества Бродского для культуры, то трактовать каким-либо однозначным образом интенцию второго отклика гораздо сложнее — вероятно, речь в нем идет о том, что в изменившейся политической ситуации (канун горбачевской перестройки) факт присуждения премии перестал быть политической провокацией, какой он был, скажем, в ситуациях Б. Пастернака и А. Солженицына. Последнее, однако, совершенно не свидетельствует о том, что тот, кому принадлежит это высказывание, сочувствует Бродскому или относится к факту присуждения ему премии скептически. Скепсис автора высказывания в данном случае касается, пожалуй, только самой премии, которая в новой политической ситуации перестала быть значимым предложением для того, чтобы обращать какое-то специальное внимание на лауреата.

Таким образом, приводя «мнения о поэте», В. Ерофеев в основном сосредоточился на скептических, среди которых теряются восторженный и нейтральный. Почему?

Правда, чтобы на этот вопрос ответить, надо учесть реплику «от автора», следующую за всеми названными «откликами». Эта реплика следующая: «Продолжать не буду, чтобы вконец не утомить. А панегирических суждений не привожу за их избыточную восклицательность и единообразие и потому, что ко всем им присоединяюсь, конечно».

Итак, В. Ерофеев приводит десять не-панегирических суждений разного плана (из которых одно все-таки панегирическое и еще одно более или менее нейтральное), после чего констатирует, что, само собой разумеется, есть и другие оценки – восторженные, позитивные, хотя и единообразно-утомительные, к которым он сам «присоединяется, конечно». А еще ниже он же произносит такую ключевую фразу: «Как бы ни было, грамотному русскому человеку – это я знаю определенно – было б холоднее и пустынное на свете, если б поэзия Иосифа Бродского по какой-нибудь причине не существовала».

На наш взгляд, в основе т а к написанной заметки лежит следующая мысль. Панегирики очевидны, не-панегирики приведены в достаточном объеме, но собственное отношение В. Ерофеева к предмету высказывания не соотносится прямо ни с тем, ни с другим. Оно сложнее и вбирает в себя критику и восторги, не сводимо к ним ни по отдельности, ни к вместе взятым.

Принципиальное отличие позиции В. Ерофеева состоит в том, что он ценит поэзию И. Бродского не за какие-то ее частные качества, ценимые, отвергаемые или оспариваемые другими, а по существу. В. Ерофеев ценит эту поэзию за то, что она существует, и говорит о том, что в противном случае «было б холоднее и пустынное на свете».

Такая постановка вопроса переводит проблему отношения В. Ерофеева к творчеству И. Бродского и к фигуре последнего в совершенно другой план, чем тот, в котором находятся все приведенные и опущенные в силу их очевидности высказывания-обмолвки. В. Ерофеев может принимать И. Бродского или иронизировать по его поводу либо даже вступать в полемику с ним и не соглашаться в частностях, но в том мире, который может быть назван миром В. Ерофеева, И. Бродский [2] – необходимый ориентир и значимая величина.

В заключение приведем цитату из письма В. Ерофеева сестре, написанного примерно в то же самое время, когда появилась рассмотренная выше заметка. Сообщив, что он «совсем закружился» и ежедневно посещает различные вечера, В. Ерофеев пишет: «Только вчера, за полночь, вернулся из лит. кафе «Новые времена» (был вечер), посвященный Иосифу Бродскому, Нобелевскому лауреату за 87 г. (я тебе часто говорил о нем как о лучшем из поэтов нынешней России, хоть и жидяра, хоть и гражданин Нью-Йорка)».

«Жидяра», «гражданин Нью-Йорка» и «лучший из поэтов» – характеристики, с другой, не-ерофеевской, точки зрения вроде бы взаимоисключающие, в его ситуации дополняют друг друга и вместе дают неожиданный и не вытекающий из определений, взятых по отдельности, третий смысл, который трудно определить конкретно, но который, по-видимому, и составляет существо поэзии, как его понимал В. Ерофеев.

Библиографический список

1. Ерофеев В.В. Мой очень жизненный путь. М.: Вагриус, 2003. С. 324–325.
2. Крепс М. О поэзии Иосифа Бродского. Ann Arbor: Ardis, 1984.

References

1. Erofeev V.V. *Moi ochen' zhiznennyi put'* [My really life journey]. M.: Vagrius, 2003, pp. 324–325 [in Russian].
2. Kreps M. *O poezii Iosifa Brodskogo* [On the poetry of Iosif Brodsky]. Ann Arbor: Ardis, 1984 [in Russian].

*M.A. Perepelkin**

ON ONE «MISTAKE» OF THE NOBEL COMMITTEE (VENEDIKT EROFEEV ABOUT JOSEPH BRODSKY)

The article analyzes the note by Venedikt Erofeev about J. Brodsky, written in connection with the award of the Nobel prize. The analysis brings to the understanding of common and different aesthetic positions of the two outstanding artists of the second half of the XX century.

Key words: V. Erofeev, J. Brodsky, Nobel prize, aesthetic position.

Статья поступила в редакцию 11/X/2016.
The article received 11/X/2016.

* *Perepelkin Mikhail Anatolievich* (mperepelkin@mail.ru), Department of Russian and Foreign Literature and Public Relations, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.